

“ТУРЕЦКО-АФГАНСКИЙ СЛЕД” В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ БАСМАЧЕСТВЕ (ОСОБЕННОСТИ, ИТОГИ И УРОКИ)

А.И. Пылев – канд. ист. наук

Анализируются роль и место турецких и афганских политических лидеров в генезисе басмаческого движения в Средней Азии (20–30-е гг. XX в.), попытки их взаимодействия и причины неудачи. Рассматривается историческое значение проблемы в контексте современной ситуации в регионе.

Ключевые слова: басмаческое движение; Турция; Афганистан; советизация Центральной Азии.

История советизации Центральной Азии прошла под знаком борьбы против так называемого “басмаческого движения” (здесь и далее курсив наш. – А.П.). Антисоветское содержание басмачества (в 20–30-е гг. XX в.) стало лишь одним из проявлений этого многогранного явления. В то же время его пытались использовать в своих интересах различные внешние игроки. Заметную роль в генезисе среднеазиатского басмачества сыграло турецкое и афганское влияние, причем сторонники и “протурецкой”, и “проафганской” ориентации басмачества нередко действовали сообща. Однако причины возникновения “турецко-афганского следа” в басмаческом движении следует искать не только в региональной политической и международной конъюнктуре начала XX в., но и в более отдаленном прошлом.

История взаимоотношений и связей Османской империи, как и Афганистана, с государствами среднеазиатского региона уходит в глубь веков. Османская империя долгое время являлась лидером не только тюркского, но и всего мусульманского мира, поскольку еще с XVI в. халифом (духовным вождем) всех мусульман-суннитов считался султан Османской Турции.

Наиболее крупные государства Средней Азии (Бухарский эмират, Хивинское ханство, с XVIII в. Кокандское ханство), населенные мусульманами-суннитами, всегда были естественными союзниками турок-осман на Востоке, в частности, в борьбе османской Турции против расширения влияния в регионе России [1: 315–335]. В исторической ретроспективе определенные факторы повлияли и на связи с Центральноазиатским регионом Афганистана, располагавшегося в своеобразной “узловой точке” Центральной Азии. Столетиями его территория использовалась для завоевательных походов

в направлении Индии, а с XIX в., когда все большую напряженность приобретало англо-русское международное соперничество, Афганистан рассматривается и как своеобразный “ключ” к среднеазиатскому направлению.

В годы Первой мировой войны “турецкий” (точнее, “младотурецкий”) фактор в Средней Азии, в его антироссийской направленности, особенно проявился в событиях, связанных с так называемым “Среднеазиатским восстанием 1916 г.”¹. Восстание в конечном итоге было подавлено, но острота напряженности в Туркестанском крае сохранялась и в 1917 г. К примеру, за год общее число различных выступлений, обычно квалифицируемых администрацией края как “разбойные нападения”, составило 547, из них только в Ферганской области – 324.

¹ Сильное влияние ислама и мусульманского духовенства, вкуче с чрезвычайно обостренными в Средней Азии вопросами земле- и водопользования, создавали в регионе ситуацию, которая вполне могла быть использована противниками России в условиях неблагоприятной для нее международной обстановки. Для Османской Турции как противника России в Первой мировой войне, весьма важно было использовать “пятую колонну” на южных рубежах Российской империи. Заметим, что в целом квалифицировать “Восстание 1916 г.” исключительно как антирусское по своей направленности не следует. Как известно, характер крестьянских выступлений содержал не только национальные, но и социально-классовые мотивы. Однако оно приобрело во многом националистический характер благодаря деятельности офицеров турецкой разведки, особенно на территории Ферганы и Семиречья, о чем подробно сообщают турецкие источники и литература [2: 83,88].

В 1917 г. Российская Империя из-за внутренних глобальных социальных катаклизмов прекратила свое существование. Поэтому в среднеазиатском регионе возник своеобразный “вакуум силы”. Советская власть в самые первые годы существования на территории Средней Азии была слишком слаба, а в течение 1918 и 1919 гг. весь Туркестан был отрезан от Центра России фронтами Гражданской войны. Юг Туркестана оказался охвачен басмаческим движением; его идейная связь с Восстанием 1916 г. прослеживалась достаточно отчетливо. На рубеже 1919–1920 г. ситуация несколько стабилизируется, однако после “советизации” Хивинского ханства, и особенно Бухарского эмирата, обостряется вновь. По свидетельству представителей командования Туркестанского фронта, военные экспедиции Красной армии в Бухару “не дали практических результатов в смысле приобщения населения к процессу революции”, хотя и “стоили очень дорого подразделениям, принимавшим в них участие” [2: 77]. Однако далеко не все представители революционных группировок Хивы и Бухары, формально принявшие коммунистическую фразеологию, разделяли идеи “советизации” регионов¹.

В данных условиях руководство младотурецкой партии “Иттихад ве теракки” (“Единство и прогресс”) особенно его лидеры, так называемый “триумvirат”, получивший в годы Первой мировой войны в султанской Турции всю реальную власть в свои руки², посчитали вполне возможным взять реванш за поражение в Первой мировой войне именно в Средней Азии, где обстановка казалась им вполне подходящей для реализации идеалов “пантюркизма” и последующего влияния на ситуацию в самой Турции, где уже активно действовали “оппоненты” младотурок, – патриотически настроенные

¹ Так, в Бухаре, в рядах руководства недавно провозглашенной Бухарской Народной Советской республики, образовалось “националистическое крыло”, рассчитывающее направить свою страну по пути “национально-буржуазной демократии”, достичь полной “независимости от советского колониализма”, “наследника колониализма русско-го”. Своих целей данная группа рассчитывала добиться, опираясь на помощь того же басмачества, а также на поддержку из-за рубежа.

² Хотя Османская империя уже фактически прекратила свое существование, юридически, на международной арене, власть в Турции до сих пор принадлежала султану.

сторонники М. Кемалю, не признавшие условий капитуляции Турции по итогам Первой мировой войны³. Себе в актив младотурки заносили также то обстоятельство, что с мусульманским миром (в частности, в Средней Азии) турецкий султан продолжал традиционно почитаться как “халиф”, духовный вождь всех мусульман. В течение 1920–1921 гг. в Среднюю Азию поочередно (при поддержке центральных советских властей) прибывают два лидера младотурок – Джемаль-паша и Исмаил Энвер-паша⁴. Преследуя на этом пути собственные цели⁵, младотурецкие лидеры обращаются за помощью к Советской России, выступив с инициативой создания так называемого “Исламского революционного союза” [3]. Целью этой организации провозглашалась борьба с “английским империализмом” на Востоке и использование в данном направлении “потенциала басмаческого движения”. Правительство Советской России, желавшее укрепить влияние большевиков на Среднем Востоке, сочло целесообразным оказать содействие инициативе. В результате, Джемаль-паша еще в 1920 г. прибывает в Афганистан с проектом модернизации “революционной афганской армии”, а Энвер-паша осенью 1921 г. прибывает в Бухару, имея задачу “привлечения басмачей на сторону советской власти” [4].

Таким образом, в планах младотурок по воссозданию в XX в. “Великого Турана” Афганистан неслучайно занял особое место. В результате очередной войны с Англией в 1919 г. Афганистан, во главе с Амануллою-ханом, вновь обретает политическую независимость⁶. В условиях временного ослабления российско-

³ Договор был подписан 10 августа 1920 г. представителями стран Антанты, с одной стороны, и султанской Турцией – с другой. По его условиям, фактически подразумевалась ликвидация национального суверенитета Турции как государства. Созданное в 1920 г. в Анкаре “Великое национальное собрание Турции” во главе с Мустафой Кемалем отказалось признать и ратифицировать условия договора.

⁴ Джемаль-паша занимал должность морского министра Османской империи, И. Энвер-паша, соответственно, должность военного министра и начальника Генерального Штаба.

⁵ Объединение всех тюрок Азии в одно государство под патронажем Турции.

⁶ К концу XIX в. Афганистан превратился в государство, политически зависимое от Англии.

го влияния в Средней Азии и ханствах¹, часть афганской политической элиты выступила с идеей создания “Исламской Конфедерации Среднеазиатских государств” под фактическим главенством Афганистана. Афганистан оказал вооруженную поддержку басмачам Шир Мухаммед-бека, обосновавшимся в Ферганской долине². Эти обстоятельства виделись бывшим младотурецким лидерам благоприятными для достижения своих целей в Средней Азии. Усилиями вышеупомянутого Джемаль-паши в афганской армии начинают работать турецкие военные инструкторы, прежде находившиеся в Средней Азии в качестве военнопленных. Энвер-паша, прежде уже получивший “теплый прием” в афганском посольстве в Москве, получает от афганского правительства “грант” в 4 тыс. фунтов стерлингов, рассчитывая использовать его для реализации своих “глобальных” замыслов [4].

Впоследствии Энвер-паша, окончательно перейдя на сторону басмачей, действовавших в Восточной Бухаре, и стремясь объединить все среднеазиатское басмачество под единым командованием, добился получения помощи от Афганистана, но в очень ограниченном объеме³. Объясняется это, по-видимому, тем, что Афганистан в гораздо большей степени интересовала “панисламистская” часть замыслов бывших младотурок, связанная с идеей “освобождения мусульман Востока от английского владычества”, нежели их пантюркистская составляющая. Советская Россия после “советизации” в 1920 г. Хивы и Бухары достаточно четко обозначила стремление укрепить свое военно-политическое влияние в Центральной Азии, что явно означало конец всех масштабных планов Афгани-

стана в отношении Средней Азии. Поддержка возглавляемого Энвер-пашой, с его идеологией пантюркизма, среднеазиатского басмачества, в конечном итоге для Афганистана могла означать лишь дестабилизацию и без того сложной этнической ситуации в его северных провинциях (населенных, в значительной степени, тюркскими народностями)⁴. Афганские власти соглашались принять Энвер-пашу как военного специалиста, даже как командующего вооруженными силами Афганистана, но отнюдь не как идеолога пантюркизма. Афганское правительство Амануллы-хана, “ограниченно” сотрудничая с младотурками, достаточно трезво оценило обстановку “на глобальном уровне” и именно поэтому пошло на заключение “Договора о дружбе” с Советской Россией в начале 1921 г.⁵ В Кабуле в итоге пришли к выводу, что дружественные отношения с Советской Россией станут более веским средством дипломатического давления на Великобританию, нежели химерические планы младотурок в Средней Азии. Советское командование, в свою очередь, “с большой осторожностью относилось к сведениям о помощи басмачам Энвер-паши со стороны официального Кабула”; однако итоговые проверки и показания пленных подтвердили, что “афганские власти действительно помогали Энверу..., как бы незначительна ни была эта помощь” [6: 55, 59]. Но, так или иначе, после разгрома сил Энвера “Бухарской группой войск” Красной Армии и гибели в августе 1922 г. самого Энвер-паши, Афганистан стал постепенно сворачивать контакты с воюющими в Средней Азии басмачами. В дальнейшем, официальный Кабул старался, по возможности, отмежеваться от какой-либо поддержки находящихся на его территории басмачей и эмигрантов, бежавших

¹ Правительство Советской России в 1917 г. отменило действовавший прежде режим протекторатов России над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Таким образом, оба государства-протектората получили независимый статус.

² В течение 1920–1921 гг. среднеазиатские “моджахеды” проходили обучение в военной школе Ханабада.

³ Армия Энвер-паши получила из Афганистана, по сообщениям агентурных донесений Штаба Бухарской группы войск Туркфронта, до 800 винтовок разных систем, а также транспорт из 80 верблюдов с оружием и патронами; кроме того, из Афганистана доставлялись прокламации “на русском и туземном языках для распространения среди населения и русских частей” [5].

⁴ Это, собственно, и произошло позднее, во время переворота Бача-и Сакао (в январе 1929 г.). Так, одному из лидеров восточнобухарского басмачества, Ибрагим-беку, бежавшему в Афганистан, за короткий срок удалось собрать на севере Афганистана из своих соплеменников, узбеков-локайцев, отряд в 1 тыс. чел. и принять участие в боях против сторонников свергнутого эмира Амануллы. Кроме того, значительный потенциал сепаратизма представляла собой и крупная киргизская диаспора, населявшая афганский Памир и район Ваханского коридора.

⁵ Помимо выгод геополитического плана, Кабулу вскоре предстояло оценить преимущества экономического сотрудничества с приграничными районами СССР [5: 33–56].

из Средней Азии, хотя вопрос о среднеазиатских беженцах, покинувших в результате подавления басмачества Восточную Бухару и оказавшихся на территории Афганистана, стоял достаточно остро [7: 392]. Они продолжали поддерживать контакты с соплеменниками, оставшимися на территории СССР.

После гибели Энвер-паши командование уцелевшими отрядами подчинявшихся ему басмачей Восточной Бухары берет на себя другой турецкий офицер – Хаджи Сами-бей (он же иногда проходит по документам и воспоминаниям участников событий под именем Селим-паши). В середине 1923 г. Хаджи Сами-бей, потерпев очередное поражение от подразделений Красной Армии и будучи ранен, бросает “басмаческий фронт” и бежит в Афганистан. В Афганистане он встречается с представителями бухарской эмиграции и сообщает о своих планах добиться материальной помощи басмаческому движению от турецких националистов, оппозиционных Мустафе Кемаль-паше, “среди которых был и турецкий посланник в Тегеране” [8: 64, 65]. Однако в дальнейшем, по не вполне выясненным причинам, туркестанская эмиграция прервала с ним всякие контакты. Английская разведка прокомментировала это обстоятельство следующим образом: “данный эпизод показывает, как негативно было воспринято [туркестанскими эмигрантами. – Авт.] непосредственное турецкое вмешательство в руководство басмаческим движением” [2: 94]. Примерно об этом же писал Энвер-паше и один из идеологов “борьбы за независимость Туркестана”, З.В. Тоган: “Мы хотим от вас, чтобы великий Туркестан не оказался бы принесен в жертву Вашей политике на Среднем Востоке...” [3].

В итоге, и официальный Афганистан, и младотурки, пытавшиеся реализовать свои политические амбиции в охваченной басмачеством Средней Азии, до конца так и не смогли объединить усилия, хотя в определенной степени их интересы пересекались. Кроме того, младотурки вкладывали в пантюркизм совершенно иное содержание, нежели местные, среднеазиатские националисты. Для последних важен был, прежде всего, “независимый Туркестан”, а вовсе не “конфедерация тюркских народов” (от Балкан до Китая) под эгидой Турции и фактическим управлением младотурок. Для большей части самого басмаческого лагеря, в котором, в конечном итоге, возобладали консервативные тенденции традиционного восточного сепаратизма и средневе-

кового местничества, не оказалось важно ни то, ни другое¹.

Не оказалась в итоге выгодной поддержка басмачества и для Афганистана, где племенная сегментированная структура социума была весьма сходна с тогдашней среднеазиатской. Она могла привести к усилению центробежных тенденций внутри самого Афганистана. Кроме того, если бы Афганистан решительно поддержал среднеазиатскую авантюру Энвера, это означало, что Советская Россия превратилась бы из союзника во врага, и было бы, таким образом, нечем “нейтрализовать” влияние Великобритании. Сама Великобритания после завершения Гражданской войны в России в основном воздерживалась от активного участия в каких-либо антироссийских (антисоветских) проектах. Однако такая позиция отнюдь не была “проявлением совести или свободного выбора” [9: 114]. Ряд секретных документов и донесений, поступавших в “Foreign office” в начале 20-х гг., свидетельствует о том, что английские разведывательные службы внимательно следили за деятельностью в Средней Азии Энвер-паши².

Для сегодняшней Турции идеология пантюркизма важна гораздо в меньшей степени, нежели память об основателе Турецкой Республики и о заложенных им принципах “*тюркизма*” (в противоположность пантюркизму)³. Однако

¹ Идеолог туркестанского национализма З.В. Тоган в своих мемуарах нередко упоминал о том, насколько чужда была традиционной среднеазиатской элите идея “независимого национального государства”; для них была гораздо важнее цель оставаться полновластными хозяевами в своей области или племени [7].

² В частности, перед английской разведкой стояла задача выяснить, в какой степени планы по созданию “мусульманско-тюркской конфедерации” приобретут популярность в Туркестане и на Среднем Востоке в целом, и как сторонников и последователей младотурок в регионе можно будет использовать в будущем [10: 1189, 1192].

³ Свидетельством этому является, в частности, то, что мемориал героев младотурецкой революции 1908 г., захоронение останков Энвер-паши, как и весь мемориальный комплекс “иттихадистов” в Стамбуле, не вызывает особого интереса современных турок. Однако по личному свидетельству автора данной публикации, сотни тысяч турок приходят ежегодно почтить память Ататюрка к мемориалу Аныт-Кабир в Анкаре (Днем памяти Ататюрка в Турецкой Республике считается день его смерти – 10 ноября).

это не исключает возможности использования пантюркистской идеологии и фразеологии как своеобразного символа отдельными экстремистскими группировками в Центральной Азии и Афганистане.

В заключение хотелось бы также добавить, что характер отношений современной Турции с Афганистаном, Россией, среднеазиатскими республиками вроде бы свидетельствует о более прагматической линии современной Турции на Среднем Востоке, в отличие от младотурецких лидеров 20-х гг. прошлого века. Международные наблюдатели отмечают “плодотворное созидательное участие Турции в Афганистане”¹. Дестабилизация этнической, религиозной обстановки как в среднеазиатских государствах, так и в Афганистане чревата обострением сходных проблем и в собственно Турции (проблемы этнических меньшинств на востоке страны, политический ислам и пр.). Современная Турция нуждается в стабильном и мирном Афганистане. Как представляется, нынешняя турецкая политическая элита это осознает и не склонна в отличие от западных держав вносить свою лепту в дестабилизацию обстановки в Центральной Азии. Сохранение такой же тенденции в будущем определенно отвечает, на наш взгляд, интересам как всего региона, так и самой Турции.

¹ Конкретно это выражается в строительстве на территории страны при турецком участии сельскохозяйственных комплексов с целью сокращения посевных площадей мака, различные проекты в сфере образования, здравоохранения и т.п. [11].

Литература

1. Михайлов А.А. Первый бросок на юг. – СПб, 2003.
2. Пылев А. Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). – Бишкек, 2006.
3. Paksoy H.B. “Basmacı” ve 1916–1924 Tur-kistan bagimsizlik savaşı. - <http://www.ukans.edu/~ibetext/texts/paksoy-3/turk12.html>
4. Абдуллаев К. Балджувон. Смерть “летучего голландца Востока” // История в лицах. – Фергана.ru
5. Князев А.А. Экономическая ситуация в северо-восточных провинциях Афганистана и проблемы обеспечения региональной безопасности // Афганистан и безопасность Центральной Азии. – Вып. 1 / Под ред. А.А. Князева. – Бишкек, 2004.
6. РГВА. Ф. 272. Оп. 2. Д. 97.
7. Тоган З.В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – М., 1997.
8. Fraser G. Basmachi-I // Central Asian Survey. – Oxford, 1987. – Vol. 6. – № 1.
9. Kunitz J. Dawn over Samarkand. The rebirth of Central Asia. – New York, 1936.
10. Sonyel S. Enver Paşa ve Orta Asya`da başgösteren “Basmacı” akımı // Belleten. Atatürk kültür, dil ve tarih yüksek kurumu. – Ankara, 1990. – LIV. Cilt. – S.1179–1208.
11. Афганистан перестал выращивать мак под благотворным влиянием Турции // Turtsia.ru (новости).